

ОЧЕРК О ВЕДРЕ: ИНФРАСТРУКТУРА ЕСТЕСТВЕННЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ И ЕЕ НОРМАТИВНОСТЬ

Ксения Гаврилова, Валерия Васильева

Ксения Гаврилова, независимый исследователь, Россия. kgawrilova@eu.spb.ru.

Валерия Васильева, Центр социальных исследований Севера, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. vvasilyeva@eu.spb.ru.

Мы выражаем благодарность анонимным рецензентам за пронцательную критику и комментарии. Мы благодарим Марию Пироговскую и Надежду Мамонтову за интерес к статье и полезные рекомендации, а также Глеба Дуганова и Ксению Тихонову за повод объединить разрозненные материалы в статью.

Статья посвящена социальной жизни инфраструктуры естественных отправлений, конвенционально обозначаемой как *ведро* и противопоставленной «нормативному» способу справлять нужду, который ассоциируется с городским современным и в рамках статьи условно описывается нами как *белый унитаз*, встроенный в канализационную сеть. *Ведро* широко распространено на сельских территориях, в том числе в Арктической зоне России, и формирует особые техники тела, которые могут ощущаться как приемлемые и удобные. На материале ряда исторических и современных контекстов в статье анализируется, каким образом формировались городские западные нормы отчуждения экскрементов, централизованное управление ими и, обусловленные подобной инфраструктурной средой, телесные практики. Мы рассмотрим советский опыт модернизации сферы естественных отправлений в небольшом селе на крайнем северо-востоке страны, испытывавшем на себе противоборство двух норм – городской и сельской. Эта оппозиция до сих пор является ключевой при оценке состояния северных поселков городскими управленцами, блогерами или просто туристами, а использование автономных инфраструктур (типа ведра) может стать основанием для негативной оценки сельского сообщества как необразованного, экономически неблагополучного, апатичного. Несмотря на символическое доминирование городских «туалетных» практик, правомерно говорить о существовании широкой пространственной и временной вариации режимов интимности, связанной со сферой естественных отправлений. Обращаясь к опыту длительной полевой работы в поселках Чукотки и Таймыра, мы затронем темы, потенциально близкие большинству антропологов села: собственный опыт пользования сельским туалетом, (пере)воспитание тела и его подстройку под альтернативные инфраструктуры, траектории внутрисемейной интимности, выстроенной вокруг использования *ведра*. Особое внимание мы уделим анализу пространственной конфигурации поселков в связи с инфраструктурами естественных

отправлений, опыту комбинирования гигиенических норм сельскими жителями, а также специфической позиции *ведра* в семиотике частного дома.

Ключевые слова: антропология инфраструктуры; сельскость; модернизация; режимы интимности; естественные отправления; канализация; ведро; северные поселки; Север; Арктика

В июне 2021 года авторы статьи оказались в экспедиции, где впервые всерьез задумались о феномене *ведра* как элементе инфраструктуры естественных отведений на Севере¹. Экспедицию организовала автономная некоммерческая организация «Агентство развития Норильска» (далее – АРН)², финансируемая ПАО «ГМК «Норильский никель»», которое известно своими систематическими инвестициями в социальную сферу региона присутствия – Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края. Задачей экспедиционной группы, в которую входили дизайнеры и художники, специалисты по туризму и сотрудники музеев, блогеры и этнографы, было посетить десять отдаленных поселений Таймыра и определить, какие из них готовы стать площадкой для развития туризма. Большинство обследованных населенных пунктов не могли похвастаться развитой коммунальной инфраструктурой или транспортной доступностью (перемещаться по территории нашей группе пришлось на вертолете) – соответственно, вопрос финансирования туризма стоял особенно остро. В поселках группу встречали творческие «активы» местных жителей: в программу приема входили концерты, экскурсии в сельских музеях, встречи с художниками и мастерами декоративно-прикладного искусства, угощения традиционной пищей. В фокусе презентации была яркая и богатая (в такой оценке сходились все участники экспедиции) этническая культура коренных для этого региона долган и нганасан. Казалось бы, именно она, а также конфигурации потенциального туристического продукта должны были стать предметом обсуждения участников экспедиции в свободное время, по вечерам. Однако вместо этого практически каждый день мы обсуждали *ведро* – локальную инфраструктуру естественных отведений.

Не выступая инициаторами бесед о *ведре*, авторы статьи тем не менее вынужденно заняли позицию апологетов и самой инфраструктуры, и ее пользователей. Безусловно, наши коллеги по группе – все уроженцы и жители крупных благоустроенных городов – старались проявлять понимание и терпение, но их техники тела (Мосс [1935] 2011) и сенсорная чувствительность бунтовали против локальных гигиенических практик. Испражняться в *ведро* было непривычно и неприятно, само *ведро* было вездесуще и безальтернативно – и каждый

¹ Данное исследование было представлено на конференции «Anthropoology. Brown Studies и нечистотный поворот», прошедшей в Европейском университете в Санкт-Петербурге 1–2 ноября 2024 года. К сожалению, расшифровка доклада была опубликована без разрешения и уведомления авторов: «“Ведро – это выбор”. Миллионы россиян живут с туалетами на улице. Почему они не хотят ничего менять?», *Lenta.ru*, 14 июня 2025 г., <https://lenta.ru/articles/2025/06/14/vedro>. Ответственности за опубликованный текст, сформулированные заголовки и, главным образом, подобранные редакцией фотографии мы не несем.

² Об агентстве см. на сайте организации: <https://arnorilsk.ru>.

из участников экспедиции пытался придумать объяснение тому, почему все так неудобно устроено. В основе предложенных объяснений лежали два диагноза местным сообществам. Первый утверждал недостаточную компетенцию поселковых жителей в области современных инфраструктур. Иными словами, наши спутники предполагали, что альтернатива *ведру* на Таймыре просто неизвестна. Второй диагноз подозревал недостаток средств у местных жителей для устройства автономной канализационной системы – например унитаза и септика. Как этнографы мы ставили под сомнение оба объяснения. Во-первых, жители Таймыра, как и большинство северян, достаточно мобильны (Васильева и др. 2020): они регулярно проводят отпуск за пределами своих сел, на «материке» и в городах, и безусловно умеют пользоваться централизованной канализацией. Во-вторых, *ведро* не может рассматриваться как показатель бедности, ибо многие поселковые семьи владеют дорогостоящими средствами транспорта – снегоходами или моторными лодками. «Может быть, – задавались мы вслух вопросом, – *ведро* – это выбор, а экспедиционной группе, исследующей туристический потенциал, не следует заикливаться на желании насильно “пересадить” местных жителей с ведра на унитаз?»

Итогом работы экспедиции стала серия репортажей на местном телевидении, конференция в штабе АРН, коллекции артефактов и интервью. Обсуждая перспективы туризма, мы сошлись на том, что в таком малонаселенном регионе туризм может быть только дорогостоящим и «штучным», и развивать его логично в поселке X, чье сообщество продемонстрировало навыки и желание принимать гостей. Показательно, тем не менее, что в неформальном разговоре специалист по туризму из Красноярска поставила вопрос о перспективности туризма *в зависимости* от инфраструктуры естественных отпавлений. В другом поселке – назовем его Y – нашу группу принимали довольно неприветливо, но местная школа была оснащена канализационной системой, то есть конвенциональными *белыми унитазами*. И именно этот поселок, и именно по этой причине был, по мнению специалиста, готов к принятию потенциального «дорогого» туриста.

Мы позволили себе подробное описание непредвиденной полевой ситуации не только для того, чтобы обрисовать контекст возникновения исследовательского интереса, но и для того, чтобы показать, насколько частные телесные практики и режимы интимности влияют в том числе на принятие управленческих решений. Нормативность *белого унитаза* определяет современные представления об удобстве, цивилизованности, достатке, гигиеничности, а также о стратегиях управления интимной сферой людей. Под *режимами интимности* мы понимаем комплекс телесных и поведенческих практик, сформированный вокруг определенной инфраструктуры экскреции: способ испражнения, его сокрытие или открытость, пространственную близость к биомассе или отчуждение от нее, практики замалчивания или обсуждения соответствующих процессов, а также совокупность физиологических, эмоциональных и оценочных реакций на альтернативные режимы.

В данной статье мы предложим максимально широкий контекст для интерпретации случая на Таймыре: от универсальных стратегий регуляции сферы естественных отправлений (преимущественно на государственном уровне) мы перейдем к представлению сходных ситуаций, когда диагноз сообществу был сформулирован в зависимости от конфигурации туалетной инфраструктуры. Мы рассмотрим исторический опыт формирования системы общих «отхожих мест» как неотъемлемой части советской модерности в северном поселке. Наконец, мы сфокусируемся на специфических режимах интимности, которые определяют отношения жителей нескольких северных поселков с экскрементами и инфраструктурой их аккумуляции/канализации (*ведром*). Для этого мы обратимся к собственным наблюдениям, сделанным в ходе полевых исследований на Таймыре и Чукотке в 2015–2025 годах. Предложенная нами тематика недостаточно разработана в российской антропологической и социологической традиции: очевидно, режим повседневного избегания «разговоров не к столу» существенно влияет и на дефицит соответствующих исследований. Именно поэтому кропотливо собранные примеры из разных культур и эпох используются нами как материал для анализа, позволяющий обозначить основной «модернизационный» конфликт в сфере естественных отправлений – ценностное противопоставление навязываемой государством нормативности (культурной, инфраструктурной, гигиенической, эстетической) и частных норм (множественных режимов справления нужды и соприсутствия с экскрементами).

К СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ВЕДРА

Несмотря на уверенность упомянутых выше городских управленцев в том, что централизованной канализацией в России оснащено абсолютное большинство жилищ, а случай северных сельских сообществ представляет собой досадное исключение, официальная статистика по данному вопросу иная³. По данным на 2024 год, 82% жилого фонда обеспечено водоотведением (то есть централизованной канализацией): в городах эта цифра составляет 91%, а в сельской местности – всего 57% (*Сфера водоснабжения 2024:4*). При этом за последние двадцать лет в стране произошел стремительный рост этого показателя, ранее эти цифры составляли 84% и 30% соответственно (11). Таким образом, в сельской местности показатель обеспеченности канализацией превысил 50% совсем недавно. Примечательно также, что канализация – удобство, процент обеспеченности которым разительнее всего отличается между городом и деревней (Нефедова 2001:404). Кроме того, цифры значительно колеблются от региона к региону, самая низкая обеспеченность – в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также в некоторых наименее экономически благополучных регионах в европейской части России (13) (см. рис. 1).

³ Представленные в виде таблиц и схем данные о доле уличных туалетов в каждом регионе (без разбивки на город и сельскую местность) см. в Ильин (2023).

Рис. 1. Обеспеченность водоотведением в сельской местности, 2021. Карта создана авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Если в более южных регионах в отсутствие канализации решения туалетного вопроса могут быть весьма разнообразными (Доброва 2014; Картавцев 2023; Плотникова 2013), то территории распространения вечной мерзлоты вносят свои поправки в набор доступных опций. Кроме того, необходимо учитывать культурную специфику Севера. Жители рассматриваемых в данной статье регионов – Восточного Таймыра и Чукотки – еще столетие назад в большинстве своем вели кочевой образ жизни. По всей видимости, у них не существовало никаких специальных архитектурных форм для отправления естественных потребностей. Однако одежда кочевников была скроена таким образом, чтобы справлять нужду на открытом воздухе было удобно. Впрочем, в связи с чувствительностью темы эта сфера быта практически не описана в классической этнографии.

Рис. 2. Хранение горшков в детском саду. Восточный Таймыр, 2024. Фото Валерии Васильевой.

Поворотным моментом в изменении гигиенических практик стал советский период. Частью глобальной советской модернизационной кампании (Collier 2011:71–105) была в широком смысле регуляция практик справления нужды – не только через создание централизованной канализации в городах и крупных сельских поселениях, но и, например, через насаждение гигиенических знаний и норм с детского возраста (см. рис. 2) или через устройство общественных туалетов – точек «притяжения» и упорядочивания фекалий – в маленьких поселениях на пару сотен человек⁴. В этом плане советский опыт мало чем отличается от санитарных стратегий других многонациональных империй или колониальных администраций⁵. Не отличается он и в плане лишь относительно успешной гомогенизации телесных практик и инфраструктур, несмотря на то что в целом уровень «туалетной» осведомленности в современной Российской Федерации достаточно высок. Нельзя не отметить, что тема организации естественных отправлений в советском селе – не самая проработанная в социальных науках. Мы опишем случай тундрового поселка Ламутское, документы по которому одному из авторов посчастливилось найти в Государственном архиве Чукотского автономного округа (далее – ГА ЧАО). Этот пример представляется репрезентативным для поселков советского Севера. Несмотря на то, что история возникновения и развития любого поселка уникальна, целый ряд управленческих стратегий, социальных характеристик населения, а также их эффекты – например насильственная седентаризация кочевых семей, современные формы социализации, архитектура и «новый быт» – характерны для неурбанизированных территорий Сибири и Севера в целом (Davydov 2022; Fondahl 1998; Habeck 2014).

Поселок Ламутское был создан на территории Марковского (ныне Анадырского) района Чукотки в довоенные годы – путем собирания и седентаризации нескольких десятков кочевых семей чукчей и эвенов (ламутов), что было типичной практикой того времени. В 1956 году был образован отдельный Ламутский сельский совет: в селе на тот момент существовала базовая социальная инфраструктура – начальная школа, клуб, фельдшерский пункт, торгово-заготовительная база и пекарня, отделение связи и контора колхоза имени Сталина. Основной

⁴ Ср. пример повсеместного планирования канализационных систем: «Все населенные пункты Крайнего Севера должны быть обеспечены канализацией с обязательной очисткой сточных вод. Для малых населенных пунктов и отдельно стоящих зданий следует применять местную канализацию и очистку» («Резолюция совещания» 1962:252).

⁵ На Аляске, например, насаждение гигиенических практик шло рука об руку с распространением школ и связанных с ними миссий. Для большей части населения, за исключением нескольких оседлых групп инуитов на юго-востоке полуострова и тихоокеанском побережье, были характерны регулярные сезонные перемещения в связи с промыслами. Небольшой размер групп и регулярная смена мест проживания вопрос санитарной безопасности при отправлении естественных потребностей делали вообще нерелевантным. Американские практики управления этой территорией заключались в создании сети постоянных поселений вокруг школ, при этом часто места их основания проектировались без учета растущего населения и без зонирования общественных инфраструктур. Даже при типичном для современного государства внимании к тотальному гигиеническому перевоспитанию нового поселкового населения проблема предотвращения распространения инфекций на протяжении XX века оставалась острой, и строительство общественных туалетов было одной из контрмер (Berardi 1999).

экономической специализацией колхоза было оленеводство, поэтому население всегда поддерживало тесные связи с кочующими недалеко от поселка оленеводческими бригадами⁶. Население Ламутского никогда в строгом смысле не было постоянным: часть жителей работала в тундре, периодически приезжая в поселок и уезжая обратно на кочевки. Так или иначе, в разное время в Ламутском проживало около 100–150 человек⁷. Документы, отложившиеся в архиве в результате работы Ламутского сельского совета – преимущественно протоколы общих собраний и сходов граждан, – позволяют составить представление о бытовой стороне жизни тундрового поселка, ее финансовой и инфраструктурной организации.

Интересующие нас упоминания организованной инфраструктуры естественных отпавлений формируют два контекста. Первый выстраивается вокруг необходимости строительства «общественных уборных» в пространстве поселка и поиска средств на осуществление этой задачи. Необходимость прописывалась в предзаданных повестках собраний и артикулировалась сельским советом, выполнявшим директивы вышестоящих институций. Показательно, что первые упоминания «общественной уборной» встречаются в 1959 году; в протоколе от 1960 года говорится о необходимости «построить уборны[е] там где [их] нет» (очевидно, дополнительные сооружения); а на собрании в 1964 году сельсовет отчитывается о строительстве «2-х ячеиногo туалета»⁸. Все эти туалеты были возведены на средства самообложения населения, собираемые сельсоветом регулярно с момента его основания (они, безусловно, тратились и на иные нужды). Из этих документов не ясно, как именно были устроены туалеты, кем были их «пользователи» и почему на поселок из 150 человек, семьи которого проживали в отдельных домах (или «квартирах», то есть нескольких комнатах одноэтажного дома), требовалось несколько «общественных уборных».

По воспоминаниям бывших ламутчан о 1980-х годах, «общественные уборные» в поселке действительно были: как минимум два строения, причем одно из них находилось недалеко от сельского клуба и было разделено на два отсека – женский и мужской. Пользовались этими туалетами не только посетители клуба или других поселковых организаций, но и жители «многоквартирных» домов. Кроме того, у некоторых жителей были свои «частные» туалеты на территории домохозяйств, а также отдельный туалет был устроен при уже совхозной конторе, и убирался он работниками совхоза. Другими словами, поселковые общественные туалеты действительно аккумулировали экскременты – в специально вырытых ямах, – но неизвестно, являлись ли они при этом местом испражнения, ведь Ламутское расположено на Анадырском плоскогорье, где в зимние месяцы температура воздуха держится в диапазоне от –30 до –50°C (см. рис. 3).

⁶ ГА ЧАО, ф. Р-113 (Предисловие к описи дел постоянного хранения).

⁷ Например, «Список колхозов по Чукотскому национальному округу 1/VII 1943 года» указывает, что в «простое товарищество» (протоколхоз) «Ламутский», находящееся в местности Устьпилидон, входит 20 хозяйств, в них 109 человек, 55 из которых трудоспособны (ГА ЧАО, ф. Р-15 (94), оп. 1, д. 2, л. 71). Другой список, «Численность хозяйств колхозников Чукотского национального округа» за 1953–1958 годы, указывает, что на 1956 год в колхозе имени Сталина всего было 25 хозяйств (ГА ЧАО, ф. Р-15 (94), оп. 1, д. 2, л. 144–144 об.).

⁸ ГА ЧАО, ф. Р-113, оп. 1, д. 3, л. 20, 49–50, 86–87.

По воспоминаниям тех же жителей поселка, *ведер* и других портативных инфраструктур в домах жителей заметно не было, однако трудно поверить, что поселок мог обходиться без промежуточной аккумуляции экскрементов, по крайней мере в холодное время. К тому же туалетная сфера и сейчас не является предметом публичного обсуждения в поселке, а используемые *ведра* никогда не попадают на глаза, скрываясь в спальнях или внутренних комнатах. Используя *ведра* современные жители зимой выливают их содержимое в углубления в снегу, делая утилизацию отходов частным делом – в противовес тому, как практика очистки была организована (или мыслилась организованной в идеале) в советское время.

Показательно, что второй контекст, сформированный архивными протоколами, касается как раз содержания туалетов и оказывается включенным в более широкий контекст гигиенизации и уборки пространства поселка. В нескольких документах зафиксировано, что средства самообложения – то есть частные средства жителей – были израсходованы на «очистку», «дезинфекцию», «побелку» и даже «прохлорирование общественного туалета»⁹. Тем не менее, по воспоминаниям жителей, обслуживание туалетов нередко оказывалось неэффективным, не проводилось вовсе или окказионально выполнялось сотрудниками поселковых организаций. Так, туалет у клуба попадал в зону ответственности клубных работников: несмотря на то, что это не входило в их прямые обязанности, им приходилось самостоятельно прокладывать к туалету дорожку, расчищая снег, и скалывать намерзающие экскременты внутри кабин. Ввиду того, что поселок расположен в зоне вечной мерзлоты, выгребные ямы не делались глубокими (а иногда вместо них использовались емкости, «баки»), и основной метод утилизации аккумулированных фекалий состоял в их сжигании.

Вполне вероятно, что ламутские туалеты существовали как пусть и стационарная, но все же не до конца официальная инфраструктура благоустройства села. На это указывает не только тот факт, что за туалеты ни жители, ни организации не стремились признавать ответственности, но и официальный запрет «сверху» использовать на содержание туалета средства самообложения. Ср. фрагмент из доклада секретаря сельсовета, сделанного после отчета о расходовании средств самообложения в 1972 году – в том числе на «очистку общественного туалета»¹⁰:

Товарищи, я хочу вам сказать, что нам запретили использовать средства самообложения на очистку общественного туалета, эту работу долж[но] проводить из своих внутренних средств отделение совхоза, но на наши неоднократные запросы отделение отвечает отказом, меж тем, средства самообложения должны использоваться только на благоустройство села, работы у нас в 1973 году еще много.

И тем не менее в рамках общесоветской ориентации на гигиенизацию быта в городе, в селе и особенно в среде коренных народов Севера, возведение туалетов и их окказиональное обслуживание осуществлялись. Последнее, что необхо-

⁹ ГА ЧАО, ф. Р-113, оп. 1, д. 16, л. 2–3, 31–32.

¹⁰ ГА ЧАО, ф. Р-113, оп. 1, д. 16, л. 32 (Протокол от 12 февраля 1973 года).

димо отметить в этой связи, как раз касается формирования санитарных условий в Ламутском. Так, в весенне-летний период в селе регулярно организовывались «воскресники по уборке территории» или даже «месячники здоровья», которые контролировались сельсоветом и медицинскими работниками и включали ряд мероприятий – лекции о необходимости содержания дома и двора в чистоте, подворные обходы и «практическую помощь коренному населению для приведения квартир в удовлетворительное санитарное состояние»¹¹, а также собственно уборку поселка. В связи с последней встречается также обсуждение «помойных ям» и нечистот во дворах жителей¹² – что косвенно указывает на конфигурацию тех туалетных практик, с которыми и боролась сельская администрация.

Несмотря на то, что в нашем распоряжении есть архивные сведения о строительстве общественных туалетов только на Чукотке, и уже это представляется большой исследовательской удачей в связи с табуированностью темы, сходство модернизационных практик на советском Севере позволяет нам говорить о том, что данный пример не был исключением.

ТУАЛЕТ – ДЕЛО ПРИВАТНОЕ

На данный момент влияние государства на сферу личной гигиены на сельском Севере значительно ослабло, и – при отсутствии централизованной канализации – все вопросы отправления естественных потребностей решаются в частном порядке. За годы полевой работы нам не приходилось сталкиваться с апелляцией к каким-либо законодательным нормам для регулирования автономных систем, типа *ведра*, несмотря на их (относительную) разработанность на федеральном уровне¹³. К 2000-м годам в неблагоустроенных посел-

¹¹ ГА ЧАО, ф. Р-113, оп. 1, д. 16, л. 13, 45.

¹² Из протокола от 24 мая 1960 года: «Надо бы, чтобы в каждом доме имелись помойные ямы. В некоторых домах еще не начата уборка нечистот. Также нужно подумать о строительств[е] уборн[ых]. Правда в большинстве местах сделаны уборны[е], но этого еще мало» (ГА ЧАО, ф. Р-113, оп. 1, д. 3, л. 49).

¹³ Нормативно-правовые акты, принятые на федеральном уровне, не оперируют категорией «ведро» и в целом не учитывают многообразие инфраструктурных моделей туалетов. «Строительные нормы и правила» (СНиП 30–02–97), регулирующие застройку дачных участков (сферы, в которой, с точки зрения законодательства, возможна наибольшая свобода планирования), требуют использовать «устройства с местным компостированием – пудр-клозеты, биотуалеты» для удаления фекалий, причем работа выгребных устройств должна быть согласована с санитарно-эпидемиологической службой еще на стадии проекта. Аналогичным образом санитарные правила и нормы СанПиН 2.1.3684–21 фокусируются не на «моделях», а на обращении с «жидкими бытовыми отходами», регламентируя размещение выгребных ям на «санитарном расстоянии», требуя обеспечить герметичность накопителей или запрещая слив отходов в непредназначенных местах (см. «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» от 28 января 2021 г.). Муниципальные нормы в отношении инфраструктур естественных отправления – даже если они есть – не влияют на практики жителей небольших северных поселков.

ках, где к этому моменту проживало большинство прежде кочевого населения, инфраструктура ведра оказалась распространена повсеместно¹⁴. Более того, в поселках городского типа *ведро* также было безальтернативной заменой зачастую не функционирующей из-за лопнувших от мороза труб канализации (Карасева 2018; Humphrey 2020).

В типовых домах, которые строили на восточном Таймыре в 1960–1980-х годах, гигиеническая зона не была предусмотрена. Одноэтажные дома, как правило, разделялись на «квартиры» (см. рис. 4): вошедший из сеней попадал на кухню, а оттуда в комнату. Жилое пространство в таких домах весьма невелико – в однокомнатной квартире площадью 25 м² до сих пор проживают целые семьи. Поскольку отдельного санузла в домах не предусмотрено, наиболее распространенным решением на нынешний момент является практика выделения на кухне гигиенической зоны. Обычно она расположена в углу (образуются, таким образом, две стены), третью стену возводят из фанеры, а в роли четвертой выступает занавеска на рейлинге или веревке. Изредка занавеска отсутствует вовсе; другой вариант – установка полноценной двери, однако это встречается редко из-за недостатка пространства. В гигиенической зоне обычно установлена металлическая раковина с умывальником, под раковиной ставят ведро для сбора отработанной воды. Иногда это же ведро выступает и в роли туалетного, однако чаще для отправления естественных потребностей используется отдельное ведро, обычно пластиковое, с встроенным пластиковым стульчаком (см. рис. 5). Из-за небольшой площади импровизированной уборной туалетное ведро и умывальник обычно расположены вплотную, и сидящий на *ведре* человек с трудом помещается в предоставленное ему пространство. Раковина используется для умывания, чистки зубов и мытья головы. Также ее используют для мытья посуды, но моют ее не под проточной водой, а в тазу, что позволяет сократить расход воды (не столько из-за необходимости выливать *ведро*, сколько из-за трудностей с привозом чистой воды: в некоторых поселках в холодное время года в хозяйстве используется растопленный озерный лед, в некоторых – выкачанная через лунку речная вода).

¹⁴ Сдвиг норм, связанных с отправлением естественных потребностей, заметен и у жителей, продолжающих кочевать: так, например, в 2015 году в Анабарском улусе Республики Саха (Якутия) в одной из оленеводческих бригад Валерии Васильевой довелось увидеть «кочевой туалет», построенный по модели выгребного и поставленный на полозья для удобства перевозки (см. рис. 7). Также практически повсеместно на стойбищах в Хатанго-Анабарской тундре сейчас используется *ведро*.

Рис. 3. Типовые дома 1960–1980-х годов постройки в селе Ламутское. Чукотка, март 2024 года. Фото Ксении Гавриловой.

Рис. 4. Типовые дома 1960–1980-х годов постройки обычно разделены на две, три или четыре «квартиры» с отдельными входами. Таймыр, поселок Сындасско, февраль 2017 года. Фото Валерии Васильевой.

На Чукотке разнообразие планировок и инфраструктур шире и, помимо сходной с таймырской ситуации, в поселках встречаются также благоустроенные квартиры с централизованным водоотведением или частные дома с системой слива, выводящей воду за пределы дома. В последнем случае водоотведение устроено только в ванной и на кухне, а *ведро* используется автономно и может размещаться как в ванной, так и в жилых помещениях. В крупных урбанизированных поселках работают гибридные системы: так, в многоквартирных домах могут быть устроены санузелы и установлены унитазы, через которые экскременты отводятся в накопитель; отходы из накопителя, в свою очередь, регулярно откачиваются ассенизационной машиной. Небольшие же тундровые и прибрежные поселки в основном

полностью зависят от инфраструктуры *ведра*, размещаемого в разных частях дома. Чаще всего члены домохозяйств справляют нужду в одно *ведро*, но есть и исключения: в нескольких селах Чукотки Ксения Гаврилова столкнулась с практикой предоставления отдельного *ведра* гостю.

Рис. 5. Промышленная модель «туалет-ведро».

Источник: https://tdsot.ru/catalog/khozyaystvennye_tovary/vedro_tualet_18l_bezhevyy_10sht_alternativa_m1525/.

Рис. 6. Санузел с *ведром*. Чукотка, 2022 год.
Фото Ксении Гавриловой.

Рис. 7. Кочевой туалет. Северо-запад Республики Саха (Якутия), 2015.
Фото Валерии Васильевой.

Наиболее комфортабельной конфигурацией *ведра* считается пластиковое ведро-туалет с крышкой промышленного производства (см. рис. 5). Пластиковое ведро без встроенного стульчака используется редко. Еще реже встречаются металлические ведра, считающиеся менее удобными из-за холодных, врезающихся в кожу краев (см. рис. 6). Нормативная длительность наполнения *ведра* варьируется, но в среднем составляет около одного дня. За вынос *ведра* в домохозяйстве чаще отвечает мужчина. Содержимое *ведра* сливают в конвенциональные места – небольшие лунки в снегу или – в случае, если дом расположен на окраине – относят за пределы поселка в тундру. При этом зачастую жидкость не выплескивают, а аккуратно сливают, предотвращая таким образом прямой доступ к нечистотам для людей и собак – по крайней мере, на период до таяния снега. Следует отметить, что собак-профагов жители поселков не любят в том числе потому, что для слива нечистот в поселках есть отведенные места, а собаки своим поведением нарушают эту пространственную отделенность. Именно таким образом утилизация экскрементов была устроена в поселках, которые посетила экспедиция АРН: один из наших основных аргументов против обвинений в неупорядоченности справления нужды заключался в четкой пространственной хореографии обращения с биомассой.

ТУАЛЕТ – ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Историографии Нового времени и модернизации западноевропейского города неотделимы от летописания революции в области отчуждения, аккумуляции и перемещения фекалий посредством особых инфраструктурных систем – опорных конструкций и символов модерна. Управление городом, его населением и материальной средой становится делом государственным, а эффективность управления уже в XIX веке – своеобразным диагнозом обществу или стране. Параллельно с формированием социально-технических систем контроля и самоконтроля над экскрементами формируется особый гигиенический дискурс – до сих пор легитимирующий внешнее вмешательство в сферу естественных отправлений (об этом ниже); кроме того, происходит перестройка телесности горожан – не только техник тела, но и режимов близости с фекалиями, превратившимися из привычного атрибута средневековых улиц во враждебную (патогенную, неэстетичную, неуместную) материю (Пироговская 2018; Трубина 2015; Фуко 2011; Inglis 2001). Подобной краткой историей взаимоотношений западноевропейского общества с собственными отходами открываются многочисленные исследования истории инфраструктур естественных отправлений и сопутствующих им систем (Богданенко и др. 2013; Богданов 2007; Матссон 2023). Для нашего рассуждения обратим внимание на три обстоятельства: речь идет о формировании *западного* подхода к отчуждающему управлению экскрементами; в основе нормативного сценария утилизации лежит опыт управления *городами*; агентами управления «сверху» выступают *государства* или санкционированные ими институции/организации. Именно эти обстоятельства уже долгое время определяют реформирование сферы естественных отправлений самых разных сообществ и территорий – сельских регионов, колоний, «развивающихся» стран или «неблагополучных» сегментов городского населения.

Обширный корпус исследовательской литературы посвящен туалетной политике колониальных администраций и постколониальных «институтов развития»¹⁵. Вполне в духе отторжения *иного/чужого* как нечистого, неупорядоченного и болезнетворного, агенты модернизации отсталых регионов в XX веке использовали гигиену, санитарию и медицину как *инструменты* управления и *аргументы* для легитимации управленческих интервенций. Показательно, что за доминирующей гигиенической рациональностью и императивом заботы о населении скрывается устойчивая, не всегда артикулируемая, но почти всегда воображаемая связь между перестройкой практик испражнений и переустройством общества. Справедливо и обратное: этнография практик испражнений воспринимается как свидетельство определенной позиции общества на воображаемой лестнице цивилизованности/развитости (в конечном итоге соответствия западным/городским нормативам)¹⁶. Показательный пример подобных интервенций Саймон Тонер (Toner 2019) увидел в американской политике переустройства туалетов во Вьетнаме. Так, американские борцы с испражнениями на открытом воздухе (open defecation) предполагали, что малые интервенции в области гигиены (как, например, устройство отгороженных ямных туалетов (pit latrines), контейнеризирующих опасные телесные отходы) неизбежно приведут к большим социальным сдвигам. Среди таких сдвигов – формирование новых «тел», озабоченных собственной гигиеной, и, в итоге, новых граждан, способных управлять собственными телами и собственной страной¹⁷. Показательно, что сама программа «The Sanitary Hamlet» была принципиально ориентирована на сельскую местность, на гигиенизацию и дисциплинирование «нечистых крестьян», и внедрялась первой в ряду прочих аналогичных модернизационных инициатив в постколониальной истории страны (раньше, чем, например, «Agricultural» или «Educational Hamlet»).

Постколониальная эпоха и XXI век унаследовали императивы перевоспитания обществ и продвижения их вверх по «санитарной лестнице» (sanitation ladder; см. Libby et al. 2020): в современных условиях за перестройку практик испражнения нередко ответственны транснациональные гуманитарные организации, использующие новые рациональности для легитимации собственных усилий – апелляции к устойчивому развитию, экологии, общественному здоровью. Впрочем, усилия по гигиенизации населения необязательно увенчиваются успехом: в некоторых регионах ни настойчивая социальная политика, ни изменение

¹⁵ Критический анализ постколониального дискурса «развития», легитимирующего практики экономической эксплуатации и социальной перестройки «стран третьего мира» во второй половине XX века см., например, в Ferguson (1990).

¹⁶ В этом контексте сложно удержаться от переосмысления крылатой фразы «Ты – то, что ты ешь».

¹⁷ Обращаясь к истории Филиппин, Уорвик Андерсон прослеживает манифестации связи субъекта (self) и государства – личного и политического – в поле управления человеческими отходами: с точки зрения колонизаторов, колонизированные народы не обладали самоконтролем в области дефекации, в отличие от белых управленцев, и, следовательно, нуждались в наставничестве по части обращения с собственными биологическими и политическими организациями (Anderson 2010).

социальных характеристик сообществ (например уровня образования или дохода) не гарантируют однозначно успешного перехода от открытой дефекации к практикам отчуждения фекалий и сокрытия процесса испражнения (об этом см., например, на материале Индии в Coffey et al. 2017).

Не отрицая и не умаляя связи между эффективной контейнеризацией испражнений и снижением уровня заболеваний, исследователи обращают внимание на то, что интервенции государственных и квазигосударственных агентов в интимную сферу человеческих испражнений и частные домохозяйства всегда функционировали как инструменты сегрегации отдельных социальных и этнических групп (Anderson 2010; Grace 2024; Toner 2019). В пространстве городов способы испражнения становятся основанием для производства расовых, религиозных и прочих иерархий, а также деления на нечистых местных и гигиеничных пришлых. Будучи вписанными в плотную физическую географию города, отличающиеся инфраструктуры естественных отправлений одновременно свидетельствуют о разнице социальных статусов групп населения и воспроизводят ее (Edwards 2017). И если в контексте перестройки практик испражнений в сельских регионах исследователи нередко пишут о недовольстве от вторжения государства в интимную жизнь, то в контексте города недовольство может вызвать недостаточность государственного вмешательства. Так, Стивен Робинс (Robins 2014) описывает серию протестов среди населения бедных кварталов Кейптауна в Южной Африке, спровоцированную неспособностью государства выполнить обещания модернизации, демократического управления и постапартеидного равенства – в том числе посредством обеспечения всех городских жителей одинаковой инфраструктурой, а именно белыми фаянсовыми унитазами, подключенными к канализационной системе. Робинс обращает внимание на то, что унитаз со смывом противопоставляется портативным туалетам (например конструкциям, обозначаемым как «bucket toilets») по принципу того, чьей обязанностью оказывается дальнейшее обращение с фекалиями: в случае *ведра* фекалии – проблема жителей, не желающих подобного соседства в стесненных городских условиях, в то время как фекалии, смытые в канализацию, – официально являются делом государственным (то есть материей, последовательно отчуждаемой от современного субъекта/тела со времен канализационной революции в западноевропейских городах).

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ

Единообразие инфраструктуры естественных отправлений в урбанизированных условиях всегда выше, чем за пределами городов. На это влияет ряд факторов: ограниченное пространство города, дизайн жилищ (например двух- и более этажных многоквартирных домов) и коммунальных систем, плотность населения, компактность и предзаданность инфраструктурной среды (транспортных систем, общественных пространств) и многое другое. Концентрированная, отрегулированная городская среда жестко определяет техники испражнений, формирует ожидания инфраструктурных возможностей, навязывает стандарты гигиены и приемлемые режимы близости к экскрементам. В задачи нашего исследования, безусловно,

не входит анализ использования городских инфраструктурных лекал для реформирования сферы испражнений в современной сельской России, но несколько замечаний об устойчивой связи между типом инфраструктуры и характеристиками жилой среды мы сделаем.

В российской социологической традиции такие инфраструктурные блага, как канализация, могут рассматриваться как неперенный атрибут города: «Показатели обеспеченности водопроводом и особенно канализацией являются важными индикаторами городских условий жизни, принятых в цивилизованном мире, и могут служить косвенными показателями реального уровня урбанизированности населения» (Нефедова 2001:405). Если канализация безусловно связывается с городом, то альтернативные практики обращения с фекалиями автоматически ассоциируются с сельским контекстом. В своем исследовании многоквартирных «двухэтажек» барачного типа («деревяшек») в сельской местности Елена Богданова (2013) обращает внимание на то, что задачей подобной архитектуры было формирование у сельчан городского габитуса, отучение от деревенских привычек и даже удержание жителей в селе за счет создания «городских» условий – в частности канализации, которая посредством трубы соединяет два этажа, а отходы аккумулирует в выгребной яме. Гибридность подобной канализационной системы отражает промежуточное положение «двухэтажек» между городом и селом, а также обуславливает ее неэффективность в плане утилизации отходов. Показательно, что для некоторых исследователей нежелание сельских жителей добиваться «должного инженерного обеспечения жилых помещений», в том числе в аспекте интересующих нас инфраструктур, является свидетельством «социальной апатии», препятствующей развитию сельских территорий (Лаврухина 2011:178). *Должное* в этом контексте означает *городское*, а городское приравнивается к благоустроенной канализации и режиму отчуждения отходов.

В русле взгляда на альтернативные инфраструктуры естественных отпавлений как принципиально сельские и не всегда приемлемые, гигиеничные или современные, следует оценивать и советскую политику модернизации села, и описанный нами случай таймырской экспедиции. Негативное отношение к практикам, отличным от нормативных городских, характерно, конечно, не только для управленцев и социологов, но и для самых разных представителей урбанизированного и благоустроенного центра: в случае с экспедицией АРН – Москвы, Красноярска и собственно Норильска. Универсальность городских инфраструктур препятствует рефлексии по их поводу: фекалии и все их производные (прежде всего – запахи) должны быть по умолчанию отчуждены и бесконтактно утилизированы, практики – сокрыты. Само навязчивое обсуждение *ведра* для экскрементов чужими друг другу людьми на восточном Таймыре свидетельствовало о том, насколько сильный удар был нанесен телесности дискусантов. Настолько сильный, что сама сфера – конвенционально замалчиваемая – оказалась фундаментом квалификации сообществ как неподходящих для туристов. Этнические культуры долган и нганасан, конечно, уникальны и идеально подходят для демонстрации приезжим, но *ведро* не является частью этих одобряемых воображаемых культур; и пока вопрос с ним не решен – финансирования туризма не должно быть.

Со времен классической работы Мэри Дуглас ([1966] 2000) антропологи обращают внимание на то, как загрязнение (в нашем случае экскременты) может быть практически и символически использовано для укрепления/воспроизводства морального или социального порядков. В контексте современной России описанный нами случай утверждения городского способа справления нужды как нормативного и основанная на этом квалификация сообщества как недостаточно развитого/цивилизованного/обеспеченного/агентного, безусловно, не являются единичными. Аналогичные суждения позволяют себе популярные блогеры, путешествующие по России и предлагающие критику тех или иных сторон жизни регионов, в том числе туалетной сферы¹⁸. В контексте восточного Таймыра критические этнографии инфраструктур естественных отправлений предложили также журналисты «Новой газеты»^{*} и интернет-издания *Vaза*; обе команды представили свои репортажи о таймырском поселке Усть-Авам в 2021 году. Не останавливаясь подробно на вопиющей неэтичности публикации и снятого здесь документального фильма, отметим, что описания локальных способов обращения с отходами в репортажах похожи:

Если увидите коричневую горку, ее лучше обойти. Такие есть возле каждого дома. Это местная канализация. Нужду в поселке справляют в ведро, ведро с помоями выплескивают у порога, все быстро замерзает. Про запах ничего не скажу: за месяц до поездки в Усть-Авам я переболел ковидом в легкой

¹⁸ Здесь и далее ^{*} указывает на то, что лица и организации внесены Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. Одним из нашумевших примеров стали репортажи блогера Ильи Варламова^{*}, посвященные одному из районов Читы – так называемой Зенитке. См., например, Илья Варламов^{*}, «Чита – новая мусорная столица России», YouTube-канал *varlamov* (@varlamov), 8 апреля 2019 г., <https://youtu.be/6CuMuY2v4VQ>. В своих репортажах о жизни неблагополучного городского района, застроенного в том числе «полублагоустроенными» домами, блогер Варламов^{*} делает особый акцент на повсеместности свалок, отсутствии контейнеризации и вывоза мусора, а также на наличии альтернативных инфраструктур естественных отправлений – деревянных туалетов-кабин во дворах домов, а также выгребных ям, куда нечистоты сливаются из частных ведер. Описывая условия жизни в районе Зенитка, Варламов^{*} навязчиво обращается к сравнению со Средневековьем – с эпохой до массового внедрения современных инфраструктур (ср.: «Примерно так выглядели средневековые города, утопающие в нечистотах»), сравнениям Читы с Африкой (очевидно, как самым неблагополучным континентом на Земле; ср. подпись под фотографией деревянного дома и грунтовой дороги: «Жуть... настоящая Африка»), а также нагнетает визуальные образы – свалки под окнами, разлагающиеся трупы животных, мусорные канавы и т. п. Нормативным фоном для критики туалетной инфраструктуры выступают, безусловно, канализация и водопровод: ср. «На горизонте растут многоэтажки! Это цивилизация, ведь там есть канализация!» или «в Чите, столице Забайкальского края, дети носят воду и не знают, что такое нормальный туалет». Наконец, помимо критики властей города и страны, допустивших подобную «экологическую катастрофу», Варламов^{*} критикует и местных жителей – за бездействие или, пользуясь выражением Елены Лаврухиной, «социальную апатию» (2011:178): «Проблема читинцев в том, что они в какой-то момент смирились с состоянием города. Они считают это нормальным». Все цитаты даны по: Илья Варламов^{*}, «Чита: мусорное Средневековье...», Teletype, 8 апреля 2019 г., <https://varlamov.me/3385024.html>.

форме, но обоняние не вернулось. Как по мне, эта побочка оказалась очень полезной для такого путешествия¹⁹.

В обоих репортажах внимание авторов привлекает значимое отсутствие коммунальных систем – прежде всего канализации, и его последствия: использование жителями *ведер*, содержимое которых выплескивается в пространство улиц. С городской точки зрения, «коричневые горки» не имеют логики в расположении – они то ли у крыльца, то ли подальше от крыльца (напомним, что на самом деле места для опорожнения *ведер* в поселках социально регламентированы); кроме того, вылитое как будто не может не издавать запах (фактор низких температур при этом не учитывается), будоража таким образом чувствительный городской нос, спасенный исключительно последствиями ковида. Не останавливаясь на данном этапе на восприятии *ведер* местными жителями, отметим, что ненависть к журналистам и нежелание принимать гостей извне, сформировавшиеся у усть-авамцев после опыта 2021 года, вызваны в том числе подобными этнографиями, а также несанкционированными съемками повседневных практик (в числе которых выплескивание *ведра*) и – в наибольшей степени – визуальным и вербальным документированием алкогольной зависимости местных жителей.

Итак, неортодоксальные инфраструктуры естественных отпавлений в сельской местности не только не соответствуют нормативным представлениям горожан, их гигиеническим и эстетическим идеалам, но и бросают вызов их телесной и ольфакторной чувствительности²⁰. Как мы показали в предложенном кратком обзоре, попытки обуздать «беспорядочные» (с западномодерной/гигиенической/городской точки зрения) практики испражнений и привить населению санитарную самодисциплину всегда были задачей и головной болью управляющих администраций.

¹⁹ «Самый богатый полуостров России. Здесь вымирают поселки и древние северные народы», YouTube-канал Baza (@baza9792), 6 июня 2021 г., <https://www.youtube.com/watch?v=4F30mulQr-w>. См. также Татьяна Стриганова, «Шаманы, нефть и нганасаны: Baza сняла большой фильм про жизнь на Таймыре», *НГС24.ру*, 7 июня 2021 г., <https://ngs24.ru/text/world/2021/06/07/69955367>. Ср.: «Канализации в поселке нет. Все нужды справляются в ведро, ведро выплескивается на улицу, подальше от крыльца. Водопровода в поселке нет. [...] На берегу высится серая школа, обитая профнастилом. Школа гигантская. [...] В школе есть вода и канализация»; Елена Костюченко* и Юрий Козырев, «Последние вертолеты», *Новая газета**, 19 марта 2021 г., <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/19/poslednie-vertolety>.

²⁰ Следует отметить, что и городские гигиенические практики не единообразны. Наиболее показательной иллюстрацией этого тезиса выступает этнография коммунальных квартир, в которых ванную и уборную нельзя назвать публичными местами – круг их потенциальных пользователей ограничен жителями квартиры и их гостями – и в то же время они не являются и в полном смысле приватными (Бойм 2022:169–172; Утехин 2004:89–105). Это порождает сложную конфигурацию представлений о нормах чистоты и гигиены, на основании которых различаются помещения общего пользования и объекты инфраструктуры: «грязная» уборная, куда чаще ходят пьяницы и выливаются помои, моются кошачьи лотки vs «чистая» уборная; ср. также «грязную» и «чистую» раковины (Утехин 2004:100). Некоторые нормы гигиены в коммунальных квартирах ослаблены: например, допустимым (особенно детям) считается мочиться в общую ванную (91–93).

РЕЖИМЫ ИНТИМНОСТИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ВАРИАЦИИ

На практике представления о чистоте и режимы интимности значительно более вариативны и изменчивы во времени, чем это видится с позиций нормирующего государственного управления. Сначала обратимся к историческим материалам. Норберт Элиас в своем классическом исследовании эволюции этикетных норм и правил публичного поведения от Средневековья к Новому времени показывает, что близкий к современному стандарту набор правил поведения за едой складывается лишь к концу XVIII века и только в высшем слое французской знати ([1939] 2001:172); то же касается отправления естественных потребностей. Элиас пишет: «На протяжении долгого времени улица, вообще чуть ли не любое место, могло служить тем же целям, что и стена во дворе. Не было ничего необычного в том, что и лестница, и угол в комнате, и ковер на замковой стене служили удовлетворению данной потребности» (206–207). Потребность в приватности и чувство стыда в туалетном вопросе – результат длительного процесса, который Элиас прослеживает в западноевропейских высших слоях с XVI века вплоть до прочного закрепления новых норм в XIX веке. В раннее Новое время дефекация и уринация были не более постыдны, чем повседневные гигиенические практики вроде причесывания или умывания. Постепенное же появление ограничений он связывает с длительной и тесной совместной жизнью при дворе. Обращение к источникам XVI века свидетельствует о том, что тогда избирательные нормы интимности лишь начинали формироваться:

Было бы недостойно мужа и бесстыдно без всякой робости и наподобие мужиков, никогда не бывавших при дворе, среди почтенных воспитанных людей отправлять свои потребности перед женской половиной либо в прихожей, перед дверями или окнами других помещений, но каждому и во всякое время и повсюду и в словах, и в поступках следует быть разумным, дисциплинированным и почтительным (Вернигеродское Придворное уложение (Wernigeroder Hofordnung); Buttler 1897:13, цит. по Элиас [1939] 2001:200).

Как неприличное в позднее Средневековье, таким образом, рассматривается публичное отправление потребностей лишь в отдельно взятых общественных местах – там, где процесс может быть виден посторонним, а результат – легко обнаружен, в особенности когда речь идет о представителях противоположного пола. Разделяя конструктивистский подход Элиаса к понятию «цивилизация», мы рассматриваем исторический процесс преобразования режимов отправления естественных потребностей не как поступательное движение к совершенствованию общества, а как нейтральную трансформацию. Иными словами, современные практики отличаются от средневековых содержательно, но не аксиологически.

Исторические примеры из неевропейских обществ показывают, насколько культурно ситуативны рассматриваемые практики и условна норма, которую сейчас пытаются приравнять к объективной гигиенической необходимости. В своем исследовании отношения к экскрементам в домодерной Японии Марта Шчигель (Szczygiel 2020) опирается на предложенное Дэвидом Инглисом (Inglis 2001) по-

нятие «режимов экскреции» (mode of excretion) – конфигурации практик испражнения и туалетных технологий, доминирующих в данном обществе. Шчигель отмечает, что режим обращения с экскрементами в Японии до XX века принципиально отличался от западного современного: дефекация происходила более или менее открытым способом, без стигматизации процесса, а сами фекалии не отчуждались и не расходовались, а были принципиально важным компонентом экономики и сельского хозяйства. В противовес распространенному стереотипу о том, что использование фекалий в качестве удобрения характерно преимущественно для азиатских стран (см. об обратном: Лапорт 2024), в одном японское отношение к человеческим отходам точно отличалось: они не проблематизировались как *отходы*. В отличие от западных культур, испытывавших принципиальное влияние христианства, в Японии экскременты рассматривались как продуктивная материя и никогда не наделялись смыслом «этически нечистого» (moral dirt, в конечном счете – греха), а потому эффективно избегали идеологической стигмы. Показательно, что несмотря на подобную пространственную и хозяйственно-бытовую близость людей к экскрементам, домодерные японские города демонстрировали высокие стандарты гигиены и чистоты – принципиально иные, чем средневековые города Европы (Szczygiel 2020).

Ален Корбен (Corbin 1986), рассматривавший справление нужды в рамках более широкой истории восприятия запахов и их культурных значений, также приводит показательные примеры. Со ссылкой на Пьера Пьерара (Pierrard 1965:53, цит. по Corbin 1986:264) он пишет о том, что в Лилле в середине XIX столетия общественными туалетами служили ведра у городских стен. Такие ведра опорожнялись в цистерну возле городской ратуши. Фокус автора на городских примерах позволяет нам увидеть, что медиализация вопроса о нечистотах неразрывно связана со скученностью населения. Поэтому именно урбанизированное население наиболее активно вовлекалось в модернизацию телесных практик, в то время как жители сельской местности значительно дольше сохраняли неотчужденное отношение к экскрементам (например, длительное время сохранялась традиция бросания калом в рамках карнавала (214–215)). Социальные низы, частью которых было сельское население, медиализация охватывала с запозданием²¹.

Разница между рецепцией современных норм у городского и сельского населения сохраняется и поныне. Однако не только для городских жителей сельские нормы могут быть неприемлемы, но и наоборот. С одной стороны, централизованная инфраструктура может не удовлетворять сельских жителей по ряду сенсорных параметров, с другой – сельская среда *позволяет* устраивать альтернативные туалеты. Взаимоотношения с отходами в данных контекстах также устроены иначе: экскременты не отчуждаются раз и навсегда посредством канализационной трубы, но составляют ответственность семей-пользователей, которые распоряжаются ими по своему усмотрению.

²¹ См. также работу, фокусирующуюся на медиализации запахов в российском обществе второй половины XIX века (Пироговская 2018), и исследование о водных инфраструктурах так называемого долгого двадцатого столетия – с 1890-х годов до начала XXI века (Обертрайс и Мафинова-Тзиафета 2019).

Олег Паченков в своем исследовании анализирует аргументы жителей станицы Кубанская Краснодарского края, высказываемые в поддержку специфически сельского планирования жилищ и, в частности, дизайна инфраструктур естественных отпавлений. Позволим себе процитировать описание полностью:

Одним из существенных недостатков городских квартир деревенские жители считают тесноту, в то время как в деревне строения с разной функциональной нагрузкой разнесены в пространстве. Одним из таких строений является, по мнению сельских жителей, туалет: сосуществование в городской квартире кухни и туалета бок о бок приводит их в недоумение и вызывает недовольство; они не понимают, «как так можно жить», и ни за что не согласились бы на такие «ненормальные» условия. Приведем цитату: «Как у вас там в городе... все рядом, туалет рядом с кухней [...], и не дунуть как следует! А если дунешь – по всему стояку слышно!» (Паченков 2006*:30–31).

В приведенном примере сельские жители делают выбор в пользу неблагоустроенного туалета, противопоставляя его нормативному *белому унитазу*, так как «городской» дизайн предполагает *избыточную* близость к локации естественных отпавлений – близость, которая потенциально нарушает интимные границы живущих в одном пространстве людей.

Елена Чикадзе (2006*) также анализирует столкновение норм у представителей разных сообществ: социологов из метрополии и жителей изучаемой периферии. Оказываясь в полевой школе на Кубани, в деревнях Воронежской области или ориентированных на мусульманские практики подмывания туалетов Бухары, исследовательница регулярно испытывала дискомфорт, хотя и по разным причинам: от глубины залегания выгребной ямы, температуры на улице или консистенции размываемых водой испражнений. Телесные реакции на «иную» инфраструктуру значимы, так как нередко они становятся частью представлений о Другом. Соответственно, усвоение исследователем туалетных практик местных жителей – важная часть включения в повседневность, а наблюдение за собственными телесными ощущениями – индикатор интеграции в принимающее сообщество.

Сходной автоэтнографией делится Шаак ван дер Гист (van der Geest 1998, 2010), который во время работы в небольшом городке в Гане оказался неспособен принять туалетные практики его жителей. Он описывает культурные представления аканов – этнической группы, составляющей большинство в Гане – классифицирующих экскременты как одну из форм грязи (*atantaneè*, внутренняя грязь; к ней относится также моча, рвота, менструальная кровь), что подталкивает их к как можно более оперативному удалению экскрементов из собственного тела. Для автора, напротив, значительно важнее скорости отпавления потребностей оказалась приватность, отсутствие которой полностью унимало его нужду (van der Geest 2010:199). Примечательно здесь то, что культурные установки вы-

зывали физиологическую реакцию²²: «Я ловко совмещал редкие визиты в католическую миссию с посещением их туалетов. Мой кишечник охотно сотрудничал, что вновь показывает, до какой степени естественные потребности могут быть укрощены, чтобы подчиняться социальным и культурным условиям. Как только я приближался к дому священника, я ощущал приближение позыва» (van der Geest 1998:8).

Аканы с самого утра посещали немногочисленные общественные уборные города, что сопровождалось устоявшимися социальными ритуалами, в частности отсутствием предписанных в другое время светских бесед и даже приветствий. Таким образом, туалетные практики нередко выступают своеобразным «тестом на своего». Это перекликается с наблюдениями одного из авторов: ей приходилось слышать похвалу вроде «спасибо, что ты такая простая» во время выездов за пределы поселка и совместных женских походов в туалет «за снегоход» (единственное укрытие в плоской, лишенной растительности тундре). Очевидно, таким образом ее противопоставляли приезжим специалистам, оказывающимся в поселке на непродолжительное время и испытывающим дискомфорт в связи с локальными практиками гигиены.

Межкультурная коммуникация, связанная с режимами справления нужды, часто оказывается ареной для выяснения властных отношений. Показательный случай предлагает Люси Пикеринг в исследовании коммун хиппи на Гавайских островах. Так, исследуемые ею хиппи-сообщества сознательно отказываются от централизованной канализации как удобства, обеспечиваемого государством, в пользу частных компостных туалетов (*drop and composting toilets*), обслуживанием которых занимается ответственный член сообщества или семьи (Pickering 2010:38). На подобный выбор влияет ряд факторов: от осознанной антимодерной позиции и отчуждения себя от государства (противопоставления себя ценностям «*mainland American Other*») до идеалов воссоединения с природной средой, ресайклинга и «устойчивого образа жизни». Причем, как отмечает автор, манифестация идеалов оказывается важнее последовательного использования компоста, нередко так и не находящего практического применения.

Таким образом, исторические и этнографические материалы показывают, что нормы интимности и обращения с человеческими отходами не имеют универсального или «естественного» характера. Они всегда укоренены в конкретных социальных, культурных и политических контекстах, отражая властные отношения, экономические условия и коллективные представления о теле, чистоте и границах приватного. Современные стандарты санитарии и гигиены, часто преподносимые

²² Сходный пример можно найти у Мэтью Энгельке. Он использует его как остроумный способ объяснения одного из общих мест в антропологии: культура имеет прямое воздействие на восприятие. «Когда я положил сверчка в рот, прожевал (он был слишком крупным, чтобы умять его целиком) и с трудом проглотил, меня передернуло, грудь сдавило, и не прошло и трех секунд, как сверчок и весь мой завтрак вышли наружу. [...] Культура материальна. Она воплощается и воздействует. Меня стошнило от сверчка. Но вывернуло меня не из-за кишечного вируса. Это было не “естественной” или “биологической” реакцией. Меня вырвало потому, что сам организм мой культурный и окультурен. А в моей культуре не принято есть сверчков» (2024:31).

как объективно необходимые, в действительности представляют собой лишь одну из множества возможных конфигураций телесных практик (мы, безусловно, не умаляем научной рациональности, лежащей в основе некоторых из них). При этом сами локальные сообщества нередко оказываются в ситуации структурного неравенства и не воспринимают свои позиции как достаточные для равноправного диалога с доминирующей культурой, что делает их стратегии сопротивления скрытыми и даже, возможно, не вполне отрефлексированными.

НА СТЫКЕ НОРМ: ОПЫТ САМОНАБЛЮДЕНИЯ

Для иллюстрации северных режимов интимности, контрастирующих с практиками в городской части страны, обратимся к автоэтнографиям. В таймырских поселках Валерия Васильева проводила полевые исследования в 2015–2025 годах, почти ежегодно приезжая примерно на месяц в холодное время года и, как правило, живя в местных семьях. По стечению обстоятельств это обычно были семейные пары примерно на поколение старше ее – в возрасте 50–60 лет, чьи дети уже жили отдельно.

Популярной практикой в таких поселках является *гостевание* – посещение родственников и друзей. За вечер в дом может зайти до десятка человек, а в праздники или во время проводов в путь такое количество людей оказывается в кухне одновременно. Кухня, как правило, является первым помещением, куда попадают гости из сеней. Именно здесь обычно расположена гигиеническая зона, представляющая собой угол, отгороженный занавеской, служащей только для визуальной изоляции, но никак не маскирующей запахи и звуки. Это создает риск дискомфортных ситуаций, когда гость застает хозяев или заезжего антрополога в неудачный момент. Если в этой ситуации оказываются разнополюсные участники, возникает взаимная неловкость. В присутствии гостей хозяева будут по возможности избегать справлять нужду, однако могут быть и исключения: например, перед отъездом в дальнюю дорогу. В этом случае присутствующие будут прикладывать усилия к нормализации ситуации: мужчины могут заспешить по делам, а разговор за столом станет более оживленным. При этом потребность в интимном сокрытии ожидаемо²³ различается в зависимости от характера социальной связи. Однако примечательно, что круг людей, допущенных к прямому или косвенному наблюдению за процессом отправления естественных потребностей, и нормы поведения отличаются от привычных исследователю²⁴.

Обратимся к одному из опытов проживания в поселке на востоке Таймыра. Квартира, в которой радушно приняли Валерию, была однокомнатной, с типичной проходной кухней и небольшой комнатой. Здесь проживала семейная пара без

²³ О градации социальных связей по допустимости совместных гигиенических практик и говорения о них на примере Британии см. Lea (2001:91–95).

²⁴ При этом нельзя сказать, что Валерия – носитель строго городской нормы; в детском и взрослом опыте исследовательницы большое место занимали сельские практики отправления естественных потребностей. В связи с этим кажется обоснованным говорить об этих отличиях как о культурно специфичных.

детей и внуков, однако на время пребывания Валерии супруг за недостатком места временно проживал с братом хозяйки Валентины Петровны²⁵ в соседней квартире, и мужчины только приходили столоваться (как в обычное время делал брат). При муже и брате – близких представителях противоположного пола – хозяйка дома не стеснялась ходить в туалет, но при этом всегда задерживала шторку (что, разумеется, не обеспечивало звукоизоляции). Когда Валентина Петровна и исследовательница оставались дома одни, шторку обе не задерживали, даже если второй человек находился всего в нескольких метрах. При этом ожидаемым поведением считалось поддержание беседы. Так, даже проведя несколько часов в одной квартире почти без общения – например за просмотром телевизора и написанием полевого дневника, – они начинали оживленную беседу, когда одна из них пользовалась *ведром*. Допустимой темой мог быть сам процесс – например проблемы со стулом и их причины. Наиболее непривычным для исследователя была конвенция поддерживать при этом прямой зрительный контакт. Таким образом, благодаря общеразделяемым практикам стала очевидна культурная разница в границах интимности. Стоит отметить, что, как и в случае самонаблюдения Шаака ван дер Гиста, тело исследователя отказывалось преодолеть этот культурный барьер и для успешного завершения процесса требовало уверенности в том, что его не потревожат внезапно зашедшие гости, что могло быть гарантировано только ночью.

Примером власти телесных привычек, сформированных культурной средой, над доминирующими в принимающем сообществе практиками может служить другая полевая ситуация. Однажды Валерия оказалась в поле с коллегой Дмитрием – горожанином и представителем естественных наук, до этого никогда не бывавшим на Таймыре и не имевшим антропологического образования или опыта проживания в культурно отличной среде. Работа проходила в поселках центральной части полуострова, где квартиры были несколько более просторными, и рецепция гегемонных гигиенических норм шла более интенсивно, поэтому *ведро* чаще всего находилось в отдельной комнате. Исследователи при этом проживали в палатах фельдшерско-акушерского пункта (ФАП), оборудованного общественным туалетом, устроенным по принципу выгребной ямы. Туалет находился в неотапливаемой части здания и, судя по всему, редко использовался. Трудно сказать, связано ли это с предпочтениями местных жителей или с тем, что больные в ФАП проживали лишь в исключительных случаях, однако весной, в период приезда Валерии и Дмитрия, пользоваться уличным туалетом было неудобно из-за холодов. Несмотря на это, в ряде случаев, когда Дмитрия нужда заставляла в гостях у местных жителей, он предпочитал уйти в ФАП и впоследствии вернуться, даже если на это требовалось значительное время и дополнительные объяснения цели ухода. По словам Дмитрия, он просто физически не мог заставить себя сходить *на ведро* не только из соображений приватности (звукоизоляции отдельное помещение действительно не обеспечивало), но и из-за того, что его испражнения окажутся открыты для постороннего взгляда.

²⁵ Все имена изменены.

Данные наблюдения интересны с двух точек зрения. С одной стороны, они коррелируют с выводами предыдущих исследователей о том, что культурные нормы отправления естественных потребностей зачастую настолько глубоко укоренены, что сопротивление принятию иных режимов проявляется как на эмоциональном, так и на телесном уровне. С другой – самонаблюдения проливают свет на нормы принимающего сообщества (здесь надо оговориться, что речь идет преимущественно о старшем поколении жителей таймырских поселков; можно предположить, что у молодых людей уже произошел некоторый сдвиг норм в сторону их унификации с городскими/центральнороссийскими). Примечательно, что подобная санитарная инфраструктура возникла не как результат заранее продуманного проектирования, а на основе практик, выстроенных самими жителями. Она отражает локальное понимание удобства и приемлемости, а не просто дефицит ресурсов или вынужденные ограничения. В этом смысле импровизированные гигиенические зоны можно рассматривать как проявление сознательного выбора и низовой агентности, а не как «недостаток» или «отставание» по отношению к городскому стандарту, как это нередко трактуют управленцы.

В чукотском прибрежном поселке, где Ксения Гаврилова прожила два месяца, *ведро* также было безальтернативной инфраструктурой естественных отпавлений. В семье, состоявшей из пары супругов (28 и 38 лет) и их пятилетней дочери, *ведро* стояло в ванной. В типовом домике, завезенном в поселок в эпоху губернаторства Романа Абрамовича, помимо двух комнат и кухни, имелся санузел как отдельное помещение, коридор и комнатка с печкой при входе в дом. Автономная система водоснабжения поставляла воду из стоявших в коридоре бочек по трубам – в кухню и ванную. В последней был бойлер, здесь же находились собственно ванна и *ведро*, также было устроено несколько полочек с бытовой химией и косметикой. Ванная регулярно использовалась как хозяйственное помещение: здесь размораживалась оленина, разделывалась и упаковывалась рыба. Близость *ведра* (без крышки, стульчака и, иногда, неопорожненного) к пищевой материи никого не смущала и даже не рефлексировалась. Безусловно, это не единственный пример вполне приемлемого со-нахождения с отходами, а также принципиального неотчуждения *ведра* от сферы быта и хозяйствования.

Другой пример требует обращения к автоэтнографии. Проживание Ксении в доме началось, когда хозяйки и ее дочери не было в поселке, то есть некоторое время в доме находились лишь хозяин Александр и заезжий антрополог – только что встретившиеся разнополые ровесники. *Тогда* Александр выносил *ведро* чаще раза в день, клал несколько хлорных «таблеток» на дно ведра до его использования²⁶ – и запаха экскрементов не чувствовалось ни в доме, ни в ванной. В то время *ведро* практически не всплывало в разговорах – кроме того, что на предложение Ксении разделить обязанности *по ведру* Александр ответил решительным отказом: мол, у него и жена-то *ведро* никогда не выносит. Зато, когда домой вернулась хозяйка Мария с дочерью Катей, антрополог стал медленно и невольно включаться в ги-

²⁶ Дезинфицирующие таблетки, содержащие хлор, используются во многих семьях и организациях поселка.

гиеническую интимность семьи. *Ведро*, в свою очередь, намного чаще стало оставаться наполненным, в том числе твердыми испражнениями, и издавать запах. Так же начал вести себя горшок Кати. Более того, проживающие вместе трое взрослых начали шутить на самые разные туалетные темы: по поводу неприятного запаха, по поводу того, что Катя не может усвоить гигиенические нормы, а также по поводу характера собственных испражнений. Те темы, которые было невозможно обсуждать после знакомства антропологу и хозяину дома, стали нормой через месяц совместного проживания в гендерно перестроенной среде. Непривычной для Ксении практикой было то, что хозяйка дома, используя *ведро*, редко закрывали дверь в ванную – и потому она изначально закрывала дверь, хотя это было непросто (будучи тугой, дверь мучительно громко ехала по полу и не закрывалась плотно). Тем не менее через месяц-полтора жизни в поселке дверь закрывать перестала и Ксения – в том числе из солидарности и нежелания подчеркивать ту границу, которую семья хозяев не проводила. Самое главное, всем было абсолютно комфортно, даже антропологу с ее преимущественным опытом проживания в городе.

Наконец, еще один пример специфического режима близости к экскрементам и отсутствия жесткой культуры сокрытия практик испражнений и фекальной материи связан с тем, как и где экскременты утилизируются. В последний зимний месяц Александр выливал *ведро* в общепринятое место на окраине поселка – и так же делали другие жители, а поселковые дети там не гуляли. Но по мере подтаивания снежного покрова в течение очень быстрой весны, перемещаться по поселку стало непросто ввиду высоты и непрочности сугробов снега, а за поселком появился риск провалиться на оттаивающее, покрытое фекалиями поле. Примерно тогда Александр начал выливать *ведро* в глубокую лужу прямо под окнами своего дома, причем это действие имело три спланированных последствия. Во-первых, ему не приходилось лишний раз перемещаться по поселку, проваливаясь по колено в снег и в оттаивающие собачьи или человеческие экскременты²⁷. Во-вторых, снег вокруг дома и собственно лужа быстрее таяли за счет разницы температур: площадь поверхности луж запускала цепную реакцию оттаивания всей улицы и таким образом земля быстрее освобождалась от снежного покрова. В-третьих, Александр демонстрировал свои действия с *ведрами* детям, в том числе дочери, формируя у них нежелание лезть в лужу. Поскольку весной плавание в обширных лужах на кусках фанеры или даже «ватрушках» очень популярно среди детей, Александр таким образом заботился о том, чтобы Катя лишний раз не промокала под ярким весенним солнцем, но при все еще слабой минусовой

²⁷ Как и в Ламутском в советское время, жители этого поселка в весенне-летний период проводят активную уборку территории. Помимо существующих за пределами поселка двух точек притяжения отходов – мусорной площадки, куда вывозятся твердые бытовые отходы, и поля, куда выливается содержимое *ведер* – часть домашнего мусора выбрасывается «за окно» (причем по воспоминаниям Александра, раньше эта практика была распространена гораздо шире). В итоге на земле у дома оказываются не только остатки пищи, которые съедаются собаками, но нередко и несъедобные упаковки от продуктов – стеклянные банки, пластмассовые контейнеры и т. п. Зимой, ввиду постоянных пург и снегопадов, эти отходы не бросаются в глаза; с наступлением же оттепели хозяйка домов собирают накопившийся мусор и либо вывозят его за поселок, либо сжигают в бочках.

температуре. Результатом этих действий, конечно, стало то, что плавающие фекалии семья наблюдала прямо у собственного дома; трое проживавших вместе взрослых регулярно смеялись и над этим²⁸.

Все эти специфические режимы интимной близости к отходам совершенно не означают, что за пределами дома и интимного семейного круга, куда был включен антрополог, у Александра и Марии нет туалетной брезгливости. Так, например, оказываясь в здании школы, они никогда не пользовались общим школьным туалетом и очень удивлялись, что им пользовалась Ксения – ведь проще было дойти до дома и использовать собственное, недоступное чужим, *ведро*. С другой стороны – и это особенно важно – семейные/поселковые практики пользования туалетом и обращения с фекалиями мгновенно и вполне естественно перестраивались, когда Александр, Мария, их родители и дети попадали в районный центр или в Анадырь, где жить им приходилось в благоустроенных квартирах с канализацией. Инфраструктурные ожидания от городской среды, предзаданность коммунальных условий и режимов отчуждения экскрементов были вполне усвоены этими родившимися и всю жизнь прожившими в небольшом поселке людьми. Они казались им настолько же естественными и комфортными, насколько собственные практики были дома. Трудно представить, какой шок они испытали бы, если бы в съемной квартире районного или регионального центра им предложили *ведро* или если бы им пришлось увидеть в луже на городской улице человеческие экскременты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный набор этнографически и исторически разноплановых наблюдений позволяет нам сделать несколько выводов о переживании нормы и вариативности практик отправления естественных потребностей в северных поселках. Во-первых, критика блогерами местных жителей за нецивилизованность, негигиеничность, неэстетичность и даже «социальную апатию» остается односторонней, несмотря на оскорбительность подобных комментариев: встречных реплик и контраргументов местные жители не производят. Тем не менее это не означает, что северяне не знают, что городская норма – это канализация и *белый унитаз*. Высокомобильные сельские жители Севера хорошо осведомлены о том, «как надо» по-городскому и усваивают эти нормы, даже несмотря на то, что их поселковые практики отличны и вполне удобны²⁹. Разрыв между практическим

²⁸ Навязчивость смеховой реакции косвенно свидетельствует и о неуместности материи, и о неуместности разговоров о ней, которые, тем не менее, регулярно велись ввиду особой близости коммуникантов.

²⁹ Необходимо отметить, что вопрос удовлетворенности *ведром* не тождественен вопросу об удобстве: использование автономного контейнера для экскрементов на Севере вполне может ощущаться как удобное, но инфраструктурные желания жителей могут быть разными. В двух поселках центральной Камчатки – ближайшего южного соседа Чукотки – некоторые жители по желанию устанавливали септики в своих частных домах. Эти устройства работали фактически как ведра-контейнеры, разве что ежедневное опорожнение одним из членов семьи заменялось на периодическую откачку специально нанятой ассенизационной машиной.

удобством и городской нормой порождает стратегию замалчивания темы и категоризацию ее как стыдную. Реактуализация же нормы производится, в частности, через *интервенции* социальной критики от представителей «центра», причем необязательно даже от имеющих официальные полномочия управленцев.

Во-вторых, показательно, что критика (как и действия условного модернизирующего/колониального государства) принципиально слепа – и лучший пример тут «эстетическая» критика. Так, способ утилизации отходов в поселке нередко оценивается как хаотичный: городским гостям кажется, что *ведра* опорожняются куда попало. Что, разумеется, не так. Ограниченное, просматриваемое пространство поселков очень четко структурировано: существуют отдельные конвенциональные места, куда выливаются отходы – они известны и избегаемы как взрослыми, так и детьми. С этой точки зрения выливание содержимого *ведра* в лужу преследует ту же цель: дети должны быть изолированы от лужи, и именно фекалии выполняют эту задачу. В этом же ряду стоит борьба с собаками-копрофагами: проблема состоит не столько в том, что они поедают фекалии и при этом периодически оказываются в чистом пространстве дома, но в том, что они растаскивают нечистоты по поселку – то есть приносят туда, где их быть не должно. Условные же «чужие», не умеющие «читать» пространство поселка, категоризируют как мусор и грязь все, выходящее за рамки городского упорядочивания. Точно так же оцениваются, например, нагромождения полезных запчастей или досок у домов.

В-третьих, нормализующий взгляд из условного городского центра не только эффективно навязывает местным жителям идею *белого унитаза*, но и нам, исследователям, навязывает идею, что для каждого человека существует один комфортный и/или практикуемый режим отправления естественных потребностей, которому соответствует привычная инфраструктура и удобная конфигурация близости к экскрементам. Опыт предельно включенного наблюдения показывает, что это не так. В изучаемой нами поселковой среде близость к экскрементам и практики их «производства» обусловлены технологическими особенностями доминирующей инфраструктуры (портативное ведро, не скрывающее экскременты), семиотикой пространства дома (его теснотой, отсутствием выделенного санузла), нормальностью чужого соприсутствия в процессе и другими факторами. Тем не менее, попадая в благоустроенные дома, северные жители легко перестраиваются под иную инфраструктурную среду. Как кажется, режимы переключения интимности могут варьировать в зависимости от того, где человек находится: в тундровом или прибрежном поселке привычно и нормально тесно соседствовать с издающим запахи *ведром*, но увидеть человеческие фекалии в городской луже – неприемлемо.

В-четвертых, наши автоэтнографии говорят о том, что под *ведро* и обусловленный им режим интимности можно *комфортно* подстроиться: тело привыкает, нос становится менее деликатным, глаза не замечают соприсутствующей биомассы при использовании гигиенической зоны для иных нужд – все это происходит по мере прогрессии интимности внутри той семейной группы, в которую антрополог оказывается встроен в поле. Можно, конечно, предположить, что такая «подстраиваемость» есть результат профессиональной подготовки и осознанного стремления

к солидарности с сообществом. Действительно, в экспедиции АРН именно мы выносили переполненные ведра из женской квартиры – как главные апологеты *ведра* и эксперты в «чтении» поселков. Но, как кажется, это объяснение не является исчерпывающим. Логика организации пространства северного дома формирует практики его использования и обусловлена ими, соответственно, вырвать или переместить *ведро* из контекста его функционирования сложно: проживая в доме долго, человек и его тело усваивают эту логику. В еще одном чукотском поселке, где мы работали, *ведра* делились на хозяйские и гостевые, причем чья интимность таким образом оберегалась в большей степени – неясно. Каждое *ведро* стояло в своей спальне, потому как все прочие места – дровяники, кухня, коридор, холодная комната-склад – были просматриваемыми и общими. Положение *ведра* в спальне действительно ощущалось более удобным и эргономичным, чем прочие опции, даже несмотря на то, что пространство спальни было маленьким, комната жарко отапливалась, и соприсутствовать с *ведром* приходилось особенно тесно. Тело кооперативно подстраивалось под инфраструктуру, чья конфигурация была обусловлена материальной средой и устоявшимися практиками – точно так же, как при возвращении в город оно переключилось на вездесущий *белый унитаз*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданенко, Николай, Елена Кошулько и Марина Богданенко. 2013. *Мировая история (туалета)*. Ч. 1, *От первобытного отхожего места до дворцовых удобств эпохи Ренессанса*. Винница: Винницкая областная типография.
- Богданов, Игорь. 2007. *Unitas, или краткая история туалета*. М.: Новое литературное обозрение.
- Богданова, Елена. 2013. «Антропология деревенской двухэтажки: от исследования жилища к исследованию сообщества». С. 105–126 в *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*, под ред. Елены Богдановой и Ольги Бредниковой. СПб.: Алетейя.
- Бойм, Светлана. 2022. *Общие места: мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение.
- Васильева, Валерия, Анастасия Карасева и Алла Болотова. 2020. «Мобильность, инфраструктура и восприятие места». С. 139–173 в *«Дети девяностых» в современной Российской Арктике*, под ред. Николая Вахтина и Штефана Дудека. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Доброва, Елена. 2014. *Практичный летний душ и туалет на даче*. М.: РИПОЛ классик.
- Дуглас, Мэри. (1966) 2000. *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Ильин, Никита. 2023. «Сколько россиян до сих пор ходит в туалет на улице». Т–Ж. Медиа Т-банка, 1 июня. <https://t-j.ru/toilet-stat>.
- Карасева, Анастасия. 2018. «Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа». *Антропологический форум* 38:122–146. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146>.
- Картавец, Владимир. 2023. «Полевой туалет». *Неприкосновенный запас* 1:215–221.
- Лаврухина, Елена. 2011. «Особенности социологических обследований качества жизни в сельских территориях России». С. 177–179 в *Никоновские чтения-2011. Глобализация и аграрная экономика России: тенденции, возможные стратегии и риски*. Москва: б. и.
- Лапорт, Доминик. 2024. *История дерьма*. М.: Эсхатон.
- Матссон, Светлана. 2023. *Всемирная история туалетов*. СПб.: Алетейя.
- Мосс, Марсель. (1935) 2011. «Техники тела». С. 304–325 в *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, сост. и пер. Александр Гофман. М.: КДУ.

- Нефедова, Татьяна. 2001. «Благоустройство городов и сельской местности. Деревня в городе». С. 400–413 в *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Монографический сборник*. М.: ОГИ.
- Обертрайс, Юлия и Ольга Малинова-Тзиафета. 2019. «История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР». *Новейшая история России* 9(1):173–201. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.111>.
- Паченков, Олег. 2006. «Нужда большая и малая»: отправление «естественных потребностей» как объект социологического анализа». С. 8–36 в *Беспредельная социология: Перегрузка. Сборник эссе. ЦНСИ*: Unplugged*, под ред. Нади Нартовой, Олега Паченкова, Михаила Соколова и Елены Чикадзе. СПб.: Центр независимых социологических исследований*.
- Пироговская, Мария. 2018. *Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Плотникова, Татьяна. 2013. *Туалет и душ на дачном участке*. М.: Эксмо.
- «Резолюция совещания по проблемам акклиматизации и питания населения на Крайнем Севере». 1962. *Проблемы Севера* 6:248–266.
- Сфера водоснабжения и водоотведения в России: текущее состояние и пути развития*. 2024. М.: Центр стратегических разработок. <https://www.csr.ru/upload/iblock/f1e/e6706jxusj9j3tja2yhtcvstd7as6ewm.pdf>.
- Трубина, Елена. 2015. «По-большому»: городская инфраструктура и власть над пространством». *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований* 2:234–247.
- Утехин, Илья. 2004. *Очерки коммунального быта*. М.: ОГИ.
- Фуко, Мишель. 2011. *Безопасность, территория, население*. М.: Наука.
- Чикадзе, Елена. «Туалет как маркер социальной среды, или еще немного об отпадении естественных потребностей. . .». С. 37–45 в *Беспредельная социология: Перегрузка. Сборник эссе. ЦНСИ*: Unplugged*, под ред. Нади Нартовой, Олега Паченкова, Михаила Соколова и Елены Чикадзе. СПб.: Центр независимых социологических исследований*.
- Элиас, Норберт. (1939) 2001. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 1, *Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада*. М.; СПб.: Университетская книга.
- Энгельке, Мэтью. 2024. *Думай как антрополог*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Anderson, Warwick. 2010. "Crap on the Map, or Postcolonial Waste." *Postcolonial Studies* 13(2):169–178.
- Berardi, Gigi. 1999. "Schools, Settlement, and Sanitation in Alaska Native Villages." *Ethnohistory* 46(2):329–359.
- Buttlar, Kurt Treusch von. 1897. "Das tägliche Leben an den deutschen Fürstenhöfen des 16. Jahrhunderts." *Zeitschrift für Kulturgeschichte* 4:1–41.
- Coffey, Diane, Dean Spears, and Sangita Vyas. 2017. "Switching to Sanitation: Understanding Latrine Adoption in a Representative Panel of Rural Indian Households." *Social Science & Medicine* 188:41–50. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.07.001>.
- Collier, Stephen. 2011. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Corbin, Alain. 1986. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Davydov, Vladimir. 2022. *People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes*. Saint Petersburg, Russia: MAE RAS.
- Edwards, Paul. 2017. "The Mechanics of Invisibility: On Habit and Routine as Elements of Infrastructure." Pp. 327–336 in *Infrastructure Space*, edited by Ilka Ruby and Andreas Ruby. Berlin: Ruby Press.
- Ferguson, James. 1990. *The Anti-Politics Machine: Development, Depoliticization, and Bureaucratic Power in Lesotho*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

- Fondahl, Gail A. 1998. *Gaining Ground? Evenkis, Land, and Reform in Southeastern Siberia*. Needham Heights, MA: Allyn and Bacon.
- Grace, Joshua. 2024. "Excremental Mobilities and Minimal Technopolitics: Toilets, Race, and Expulsion in Tanzania." *History and Anthropology* 35(5):1074–1097. <https://doi.org/10.1080/02757206.2023.2275790>.
- Habeck, Otto. 2014. "Learning to Be Seated: Sedentarization in the Soviet Far North as a Spatial and Cognitive Enclosure." *Etnografia Polska* 60(1):155–179.
- Humphrey, Caroline. 2020. "Rethinking Infrastructure: Siberian Cities and the Great Freeze of January 2001." Pp. 91–107 in *Wounded Cities*, edited by Jane Schneider and Ida Susser. London: Routledge.
- Inglis, David. 2001. *A Sociological History of Excretory Experience: Defecatory Manners and Toiletry Technologies*. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press.
- Lea, Rachel. 2001. "The Performance of Control and the Control of Performance: Towards a Social Anthropology of Defecation." PhD dissertation, Department of Human Sciences, Brunel University.
- Libby, James A., E. Christian Wells, and James R. Mihelcic. 2020. "Moving up the Sanitation Ladder While Considering Function: An Assessment of Indigenous Communities, Pit Latrine Users, and Their Perceptions of Resource Recovery Sanitation Technology in Panama." *Environmental Science & Technology Journal* 54(23):15405–15413. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c04120>.
- Pickering, Lucy. 2010. "Toilets, Bodies, Selves: Enacting Composting as Counterculture in Hawai'i." *Body & Society* 16(4):33–55.
- Pierrard, Pierre. 1965. *La vie ouvrière à Lille sous le Second Empire*. Paris: Bloud et Gay.
- Robins, Steven. 2014. "Poo Wars as Matter out of Place: 'Toilets for Africa' in Cape Town." *Anthropology Today* 30(1):1–3.
- Szczygiel, Marta. 2020. "Cultural Origins of Japan's Premodern Night Soil Collection System." *Worldwide Waste* 3(1):1–13. <https://doi.org/10.5334/wwwj.42>.
- Toner, Simon. 2019. "'The Paradise of the Latrine': American Toilet-Building and the Continuities of Colonial and Postcolonial Development." *Modern American History* 2(3):299–320. <https://doi.org/10.1017/mah.2019.33>.
- Van der Geest, Sjaak. 1998. "Akan Shit: Getting Rid of Dirt in Ghana." *Anthropology Today* 14(3):8–12.
- Van der Geest, Sjaak. 2002. "The Night-Soil Collector: Bucket Latrines in Ghana." *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy* 5(2):197–206.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО)

- Ф. Р-113. Ламутский сельский совет. Предисловие. К описи дел постоянного хранения фонда Р-113 «Ламутский сельский Совет. Исполнительный комитет». За 1957–1985 годы.
- Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 3. Протоколы общих собраний, сходов граждан с. Ламутское за 1957–1964 годы.
- Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 16. Протоколы общих собраний, сходов граждан с. Ламутское за 1972–1973 годы.
- Ф. Р-15 (94). Статуправление Чукотского автономного округа. Оп. 1. Д. 2. Динамика роста посевных, молока, животноводства, оленей, пушзаготовок, децзаготовок: сборная по сельскому хозяйству за 1936–1959 гг. Список колхозов по Чукотскому национальному округу 1/VII 1943 года. Численность хозяйств колхозников Чукотского национального округа (за 1953–1958 гг.).

AN ESSAY ON THE BUCKET: INFRASTRUCTURES OF EXCRETION AND THEIR NORMATIVITY

Kseniia Gavrilova, Valeria Vasilyeva

Kseniia Gavrilova, independent researcher, Russia. kgawrilova@eu.spb.ru.

Valeria Vasilyeva, Centre of Arctic Social Studies, European University at St. Petersburg, Russia. vvasilyeva@eu.spb.ru.

We express our gratitude to the anonymous reviewers for their insightful critiques and comments. We thank Maria Pirogovskaya and Nadezhda Mamontova for their interest in this article and their helpful recommendations, as well as Gleb Duganov and Ksenia Tikhonova for providing the impetus to compile the scattered materials into this article.

This article examines the social life of infrastructures of excretion conventionally referred to as the *bucket toilet*, which we contrast with the “normative” mode of relieving oneself associated with urban modernity and described as the *white toilet* integrated into a sewer network. The bucket toilet is widespread in rural areas, including the Arctic zone of Russia, and shapes specific bodily techniques experienced as acceptable and convenient. Drawing on a range of historical and contemporary contexts, the article analyzes how Western urban norms of distancing from excreta, their centralized management, and the corresponding bodily practices were formed. We also examine the Soviet experience of modernizing the sphere of excretion in a village in the far northeast of the country, where two normative systems—urban and rural—came into conflict. This opposition continues to structure contemporary evaluations of northern settlements by urban administrators, bloggers, and tourists. The use of autonomous infrastructures, such as the bucket toilet, may serve as a basis for negative assessments of rural communities as uneducated, economically disadvantaged, or impassive. Despite the symbolic dominance of urban “toilet” practices, there is a broad spatial and temporal variation in regimes of intimacy associated with excretion. Drawing on long-term fieldwork in settlements in Chukotka and Taymyr, we explore intimate experiences of using different sanitation infrastructures, the (re) disciplining of the body, and trajectories of intrahousehold intimacy associated with the use of the bucket. We also address the spatial configuration of settlements in relation to excretion infrastructures and the semiotic position of the bucket within the private home.

Keywords: Anthropology of Infrastructure; Rurality; Modernization; Regimes of Intimacy; Excretory Practices; Sewer Network; Bucket Toilet; Northern Villages; North; Russian Arctic

REFERENCES

- Anderson, Warwick. 2010. "Crap on the Map, or Postcolonial Waste." *Postcolonial Studies* 13(2):169–178.
- Berardi, Gigi. 1999. "Schools, Settlement, and Sanitation in Alaska Native Villages." *Ethnohistory* 46(2):329–359.
- Bogdanenko, Nikolai, Elena Koshul'ko, and Marina Bogdanenko. 2013. *Mirovaia istoriia (tualeta)*. Pt. 1, *Ot pervobytnogo otkhozhzhego mesta do dvortsovykh udobstv epokhi Renessansa*. Vinnytsya, Ukraine: Vinnitskaia oblastnaia tipografia.
- Bogdanov, Igor'. 2007. *Unitas, ili kratkaia istoriia tualeta*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bogdanova, Elena. 2013. "Antropologiya derevenskoi dvukhetazhki: Ot issledovaniia zhilishcha k issledovaniiu soobshchestva." Pp. 105–126 in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovetsoi derevni*, edited by Elena Bogdanova and Olga Brednikova. Saint Petersburg, Russia: Aleteia.
- Boym, Svetlana. 2022. *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoi zhizni*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Buttlar, Kurt Treusch von. 1897. "Das tägliche Leben an den deutschen Fürstenhöfen des 16. Jahrhunderts." *Zeitschrift für Kulturgeschichte* 4:1–41.
- Chikadze, Elena. "Tualet kak marker sotsial'noi sredy, ili eshche nemnogo ob otpravlenii estestvennykh potrebnosti. . ." Pp. 37–45 in *Bespredel'naia sotsiologiya: Perezagruzka. Sbornik esse. TsNSI**: *Unplugged*, edited by Nadia Nartova, Oleg Pachnikov, Mikhail Sokolov, and Elena Chikadze. Saint Petersburg, Russia: Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy*.
- Coffey, Diane, Dean Spears, and Sangita Vyas. 2017. "Switching to Sanitation: Understanding Latrine Adoption in a Representative Panel of Rural Indian Households." *Social Science & Medicine* 188:41–50. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.07.001>.
- Collier, Stephen. 2011. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Corbin, Alain. 1986. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Davydov, Vladimir. 2022. *People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes*. Saint Petersburg, Russia: MAE RAS.
- Dobrova, Elena. 2014. *Praktichnyi letnii dush i tualet na dache*. Moscow: RIPOL klassik.
- Douglas, Mary. (1966) 2000. *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu*. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole.
- Edwards, Paul. 2017. "The Mechanics of Invisibility: On Habit and Routine as Elements of Infrastructure." Pp. 327–336 in *Infrastructure Space*, edited by Ilka Ruby and Andreas Ruby. Berlin: Ruby Press.
- Elias, Norbert. (1939) 2001. *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia*. Vol. 1, *Izmeneniia v povedenii vysshego sloia mirian v stranakh Zapada*. Moscow: Universitetskaia kniga.
- Engelke, Matthew. 2024. *Dumai kak antropolog*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Ferguson, James. 1990. *The Anti-Politics Machine: Development, Depoliticization, and Bureaucratic Power in Lesotho*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Fondahl, Gail A. 1998. *Gaining Ground? Evenkis, Land, and Reform in Southeastern Siberia*. Needham Heights, MA: Allyn and Bacon.
- Foucault, Michel. 2011. *Bezopasnost', territorii, naselenie*. Moscow: Nauka.
- Grace, Joshua. 2024. "Excremental Mobilities and Minimal Technopolitics: Toilets, Race, and Expulsion in Tanzania." *History and Anthropology* 35(5):1074–1097. <https://doi.org/10.1080/02757206.2023.2275790>.
- Habeck, Otto. 2014. "Learning to Be Seated: Sedentarization in the Soviet Far North as a Spatial and Cognitive Enclosure." *Etnografia Polska* 60(1):155–179.
- Humphrey, Caroline. 2020. "Rethinking Infrastructure: Siberian Cities and the Great Freeze of January 2001." Pp. 91–107 in *Wounded Cities*, edited by Jane Schneider and Ida Susser. London: Routledge.

- Il'in, Nikita. 2023. "Skol'ko rossiian do sikh por khodit v tualet na ulitse." T-Zh. Media T-banka, June 1. <https://t-j.ru/toilet-stat>.
- Inglis, David. 2001. *A Sociological History of Excretory Experience: Defecatory Manners and Toiletry Technologies*. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press.
- Karaseva, Anastasia. 2018. "Razomknutaia modernost': Kommunal'naia avariia v sensornom landshafte severnogo poselka gorodskogo tipa." *Antropologicheskii forum* 38:122–146. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-38-122-146>.
- Kartavtsev, Vladimir. 2023. "Polevoi tualet." *Neprikosnovennyi zapas* 1:215–221.
- Laporte, Dominique. 2024. *Istoriia der'ma*. Moscow: Eskhaton.
- Lavrukhina, Elena. 2011. "Osobennosti sotsiologicheskikh obsledovaniï kachestva zhizni v sel'skikh territoriiakh Rossii." Pp. 177–179 in *Nikonovskie chteniia-2011. Globalizatsiia i agrarnaia ekonomika Rossii: Tendentsii, vozmozhnye strategii i riski*. Moscow: n.p.
- Lea, Rachel. 2001. "The Performance of Control and the Control of Performance: Towards a Social Anthropology of Defecation." PhD dissertation, Department of Human Sciences, Brunel University.
- Libby, James A., E. Christian Wells, and James R. Mihelcic. 2020. "Moving up the Sanitation Ladder While Considering Function: An Assessment of Indigenous Communities, Pit Latrine Users, and Their Perceptions of Resource Recovery Sanitation Technology in Panama." *Environmental Science & Technology Journal* 54(23):15405–15413. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c04120>.
- Mattsson, Svetlana. 2023. *Vsemirnaia istoriia tualetov*. Saint Petersburg, Russia: Aleteia.
- Mauss, Marcel. (1935) 2011. "Tekhniki tela." Pp. 304–325 in *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: KDU.
- Nefedova, Tat'iana. 2001. "Blagoustroistvo gorodov i sel'skoi mestnosti: Derevnia v gorode." Pp. 400–413 in *Gorod i derevnia v Evropeiskoi Rossii: Sto let peremen*. Moscow: OGI.
- Obertreis, Julia, and Olga Malinova-Tziafeta. 2019. "Istoriia gorodov i vodnye infrastruktury v Rossiiskoi imperii i SSSR." *Noveishaia istoriia Rossii* 9(1):173–201. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.111>.
- Pachenkov, Oleg. 2006. "'Nuzhda bol'shaia i malaia': Otpravlenie 'estestvennykh potrebnosti' kak ob'ekt sotsiologicheskogo analiza." Pp. 8–36 in *Bespredel'naia sotsiologiya: Perezagruzka. Sbornik esse. TsNSI*: Unplugged*, edited by Nadia Nartova, Oleg Pachenkov, Mikhail Sokolov, and Elena Chikadze. Saint Petersburg, Russia: Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniï*.
- Pickering, Lucy. 2010. "Toilets, Bodies, Selves: Enacting Composting as Counterculture in Hawai'i." *Body & Society* 16(4):33–55.
- Pierrard, Pierre. 1965. *La vie ouvrière à Lille sous le Second Empire*. Paris: Bloud et Gay.
- Pirogovskaya, Maria. 2018. *Miazmy, simptomy, uliki: Zapakhi mezhdû meditsinoy i moral'iu v russkoi kul'ture vtoroi poloviny XIX veka*. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Plotnikova, Tat'iana. 2013. *Tualet i dush na dachnom uchastke*. Moscow: Eksmo.
- "Rezoliutsiia soveshchaniia po problemam akklimatizatsii i pitaniia naseleniia na Krainem Severe." 1962. *Problemy Severa* 6:248–266.
- Robins, Steven. 2014. "Poo Wars as Matter out of Place: 'Toilets for Africa' in Cape Town." *Anthropology Today* 30(1):1–3.
- Sfera vodosnabzheniia i vodootvedeniia v Rossii: Tekushchee sostoianie i puti razvitiia*. 2024. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok. <https://www.csr.ru/upload/iblock/f1e/e6706jxusj9j3tja2yhtcvsd7as6ewm.pdf>.
- Szczygiel, Marta. 2020. "Cultural Origins of Japan's Premodern Night Soil Collection System." *Worldwide Waste* 3(1):1–13. <https://doi.org/10.5334/wwwj.42>.
- Toner, Simon. 2019. "'The Paradise of the Latrine': American Toilet-Building and the Continuities of Colonial and Postcolonial Development." *Modern American History* 2(3):299–320. <https://doi.org/10.1017/mah.2019.33>.

- Trubina, Elena. 2015. "'Po-bol'shomu': Gorodskaiia infrastruktura i vlast' nad prostranstvom." *Politicheskaiia kontseptologiya: Zhurnal metadistsiplinnykh issledovaniy* 2:234–247.
- Utekhin, Ilya. 2004. *Ocherki kommunal'nogo byta*. Moscow: OGI.
- Van der Geest, Sjaak. 1998. "Akan Shit: Getting Rid of Dirt in Ghana." *Anthropology Today* 14(3):8–12.
- Van der Geest, Sjaak. 2002. "The Night-Soil Collector: Bucket Latrines in Ghana." *Postcolonial Studies: Culture, Politics, Economy* 5(2):197–206.
- Vasilyeva, Valeria, Anastasia Karaseva, and Alla Bolotova. 2020. "Mobil'nost', infrastruktury i vospriiatie mesta." Pp. 139–173 in *"Deti devianostykh" v sovremennoi Rossiiskoi Arktike*, edited by Nikolai Vakhtin and Stephan Dudeck. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.